

**Отзыв официального оппонента
доктора филологических наук, доцента Алексева Павла Викторовича
о диссертации Серягиной Юлии Сергеевны «Немецкая литература в сибирской
периодике рубежа XIX-XX вв.: критика, переводы, театральные рецензии»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.01 – Русская литература**

Диссертация Ю.С. Серягиной актуальна для нескольких областей гуманитарного знания – истории русской словесности и периодической печати, имагологии русско-европейского взаимодействия, культурного трансфера текстов, идей и образов немецкого мира на русскую почву, изучения сибирской идентичности, регионалистики, сибирского локального текста и проблем переводоведения. Совершенно очевидно, что объект и предмет исследования, а также полученные результаты, которые вполне релевантны заявленной теме, будут интересны и полезны всем этим направлениям.

Научная новизна представленной работы сосредоточена, главным образом, в области имагологии и культурного трансфера: впервые в отечественном литературоведении столь подробно была изучена рецепция немецкой словесности в сибирской периодике рубежа XIX и XX веков. Ю.С. Серягина отлично видит общественно-политический, философский, эстетический и культурологический контексты, в которых развивается интерес сибирских писателей, публицистов и переводчиков к немецкому миру от эпохи германофильских настроений Александра II к эпохе Первой мировой войны. Автор указывает на то, что в Сибири в этот период была достаточно мощная культурная среда немецкой диаспоры, и это, безусловно, способствовало появлению и углублению интереса к современным и классическим текстам немецкого мира. Важно, что концепт «сибиряки» для автора – не просто собирательный и безликий образ реципиента, а вполне осмысленное понятие, объединяющее разнородные круги сибирской интеллигенции – ссыльные дворяне и разночинцы, университетская профессура, купцы, издатели, ученые и т.д. самых разных политических взглядов от монархически-охранительного и черносотенного до либерально-революционного. «Общество Сибири, - справедливо пишет автор на с. 58, - представляло собой смесь коренного населения и большого количества ссыльных, которые, по большей части, и образовали интеллигенцию региона. Подобное смешение культур обуславливало особое культурное пространство Сибири, связанное с центром, но в то же время независимое от него».

Сильной стороной работы является стремление проработать разные аспекты исследуемой темы на достаточно обширном материале – более тысячи впервые выявленных и систематизированных переводов с немецкого и около трехсот публикаций литературной и театральной критики. Более двух сотен источников в списке

использованной литературы. Библиографическое приложение к диссертации окажет неоценимую услугу дальнейшим исследователям этой темы. Однако, на мой взгляд, требуется некоторое уточнение, почему Ю.С. Серягина сконцентрировалась на томских и тобольских изданиях и публикациях, а, например, издания, выходившие в Иркутске, остаются без внимания.

После внимательного прочтения работы можно с уверенностью сказать, что цель и все поставленные задачи выполнены на высоком научном уровне с опорой на классические и современные методы литературоведения: имагологический материал хорошо структурирован и систематизирован, региональная специфика рецепции вполне сформулирована, анализ многочисленных переводов с привлечением подстрочников выполнен без нареканий. Новизны в работу также добавляет расширение представлений о рецепции в России Гейне, Ленау и апологетов всемирного сионизма Герцля и Нордау.

Теоретическая и практическая значимость работы не вызывает сомнений, апробация вызывает только восхищение: участие в президентском гранте, грантах РФФИ, научная стажировка в Германии, доклады на научных конференциях различного уровня. Все это в совокупности свидетельствует о том, что положения, выносимые на защиту, прошли апробацию в научном сообществе и могут быть серьезно рассмотрены как прирост нового научного гуманитарного знания.

Работа состоит из трех глав, примерно одинаковых по объему и по значимости. В первой главе, посвященной имагологической парадигме сибирской периодики рубежа веков и месту в ней немецкой литературы, Ю.С. Серягина осуществляет системный разбор довольно многочисленных публикаций художественных переводов с немецкого (что очень важно – в контексте переводов с других европейских языков), изучает реакции сибирских журналов на постановки немецких пьес в Томске, а также ставит вопрос о программных рецептивных стратегиях сибирских публицистов и переводчиков. Последнее – действительно сложная задача. Огромная часть публикаций выходила под псевдонимами или криптонимами, которые зачастую просто невозможно идентифицировать, поэтому, не зная биографии, социального статуса и взглядов авторов, в полной мере рецептивные стратегии реконструировать невозможно. Автор диссертации это понимает, поэтому сосредотачивается на таких атрибутированных персоналиях, как Георгий Вяткин, Иван Северный, Петр Черневич, Иосиф Иванов, Всеволод Долгоруков. Это дает основание исследователю индуктивно представить себе основные рецептивные стратегии сибиряков рассматриваемого периода.

Так, на примере Черневича мы видим, что выбор немецких авторов и текстов определяется традиционными ценностями русской литературы классического периода и

религиозными императивами, которые противоречат популярным в это время на Западе декадентским тенденциям. Кроме того, внимание к теме преступности, в том числе к проблемам психологии преступников, определяет интерес к работам итальянского психолога Ламброзо. Далее Ю.С. Серягина неоднократно будет подчеркивать, что тема преступлений и наказаний во многом определена спецификой региона. На примере Долгорукова можно увидеть остро-критический и ретроспективный характер восприятия немецкой (и шире - европейской) культуры: неприятие нищезанятия и аналитической психологии, с одной стороны, и тяготение к романтической эстетике, с другой. На материалах тобольского поэта Почекаса, писавшего под псевдонимом «Северный», Иванова и Вяткина автор диссертации выводит еще одну важную рецептивную черту: влияние поэтики и аксиологии немецкого романтизма на собственное творчество сибиряков, а также повышенный интерес к постановкам немецких пьес на томской сцене.

Из всех описанных особенностей, на мой взгляд, наименее разработанным осталась связь переводческих и рецептивных стратегий сибирских авторов с идеологией областничества: автор диссертации упоминает о ней, но предпочитает эту тему не развивать. Это же замечание можно сделать и в отношении других глав: областнический контекст все время присутствует, но не достаточно артикулирован. Необходимо понять, что специфического и особенно полезного областники видели именно в немецкой словесности для подтверждения и упрочения своих идей? Кроме того, есть ощущение, что автор несколько прямолинейно связывает областническую идею с понятиями сибирской идентичности и сибирского текста (эти термины, кстати, тоже не лишним было бы определить): среди авторов сибирской периодики были люди различных взглядов и различного социально-правового статуса, и областничество, которое получало поддержку сибирских интеллектуалов, было важным, но ведь не единственным фактором формирования этой самой идентичности и сибирского локального текста. Осознает ли автор, что не все немецкое прошло сквозь фильтр областнической идеологии? Можно ли считать областничество основным фактором формирования сибирского текста в этот период?

В связи с этим хочется задать еще несколько вопросов терминологического характера: каково взаимоотношение понятий сибирского текста и «томского топосного сверткста», упомянутого на с. 7 диссертационной работы? Почему в работе не рассматриваются, в таком случае, «тобольский» и др. сверткстовые семиотические объекты? Как соотносятся между собой такие термины, упомянутые в работе, как «местное социокультурное самосознание» (с. 38), «сибирское культурное самосознание» (с. 41), «региональное культурное самосознание» (с. 128) и «культурная идентичность региона»

(с. 19, 188) и «региональная идентичность» (с. 69)? Это разные понятия или разные варианты одного и того же?

Кроме того, в первой главе есть ряд неточностей. Так, на с. 15 не понятно, почему Жюль Верн относится к представителям английской прозы, а на с. 44 «Восточное обозрение», которое в 1902 году печаталось в Иркутске, названо омским изданием. Неточностью, на мой взгляд, является и интерпретация позиции Л. Троцкого по отношению к водевильности пьес Шницлера (на с. 44): будущий революционер вовсе не позитивно оценивал смесь игры и действительности, о чем красноречиво говорит цитата из посвященной Шницлеру статьи: «Шницлер смотрит на жизнь глазами утонченного и облагороженного «бонвивана» <...> Итак, это — философия квиетизма? Да, поскольку речь идет о судьбах нации, общества, человечества... Но в четырех стенах личного существования эта «метафизика» освещает самую энергичную активность. Жги сигару твоей жизни с двух концов, — внушает она посвященным. Округляй владения твоих чувств! Не страшись ограничительных фикций, действительных лишь для рабских душ. Мораль, право, религия?.. Игра, одна игра! Еще шаг вниз — и мы вступим в царство босячества».

Вторая глава, крайне интересная по содержанию, посвящена изучению переводов малой прозы в контексте культурно-исторических процессов Европы, России и Сибири. В целом можно сказать, что главные объекты рецепции, рассмотренные в этой главе – это во многом провокационные религиозно-философские достижения немецких авторов. Большим научным вкладом диссертанта является то, что в работе удалось показать широкие культурные интересы сибирских авторов, а также вполне убедительно доказать, что внимание к идеям Ницше и теоретикам сионизма был так или иначе продиктован требованиями сибирской идентичности. Может быть, это излишнее буквоедство, но хотелось бы более глубокого определения связей между идеологиями сионизма и областничества, в том числе определения их сходства и различия в восприятии сибиряков. Можно ли говорить, что труды Герцля и Нордау попали в круг интересов областников по причине сходного стремления к свободному территориальному самоопределению еврейского народа и сибирских мечтателей?

В отношении творческого наследия Ницше диссертант сумела продемонстрировать не только многоаспектность его сибирской рецепции, но и проследить его эволюцию от полного неприятия к серьезному интересу, хоть и приправленному мощным мифологизированием его жизни и творчества. Ю.С. Серягина обнаружила, что суждения Макушина, Вейсмана, Дембовецкого, Черневича и других были во многом самостоятельны, невзирая на мнения публицистов и философов Петербурга: критики,

несомненно, ориентировались на сибирского читателя. Диссертант подошла к вопросу достаточно скрупулезно: в дополнение к анализу содержания статей она провела анализ жанровой специфики.

Третья глава, посвященная рецепции немецкой поэзии (Боденштедта, Гейне, Ленау, Новалиса и др.), отличается насыщенной аналитикой переводоведческого характера: автор кропотливо разбирает переводы немецких поэтов, опираясь на оригиналы и подстрочники. При необходимости осуществляется сравнение разных переводов одного и того же текста. Можно с уверенностью сказать, что это один из самых удачных разделов представленной работы, который вполне способен продемонстрировать высокий профессиональный уровень исследователя.

На материале творческого наследия Боденштедта Ю.С. Серягина актуализирует интересный феномен: неопубликованные и неизвестные стихотворения Лермонтова переводились Иваном Северным на русский язык из трудов этого разностороннего немецкого автора. Как справедливо отмечает диссертант, «для сибирских авторов точка зрения Боденштедта стала предметом живого интереса, поскольку она, очевидно, позволяла осмыслить стороннюю позицию, иной, внешний взгляд на отечественную классику, не зависимый от имперского центра русской культурной политики» (с. 126).

В параграфе, посвященном анализу переводов Новалиса Ю.С. Серягина абсолютно закономерно приходит к выводу о том, что сибирскому читателю импонировал немецкий мистицизм, романтическое стремление к единению человека и природы, а также поиски абстрактной истины и собственного «я». В параграфе, посвященном рецепции Ленау диссертант уверенно доказывает, что сибирские переводчики более тонко чувствовали его эстетику и поэтику и их переводные произведения могут быть признаны более совершенными, чем произведения столичных переводчиков.

Наиболее интересным мне представляется четвертый параграф третьей главы, где исследуются рецептивные особенности сибирских переводов из Гейне – поэта, чье творчество оказало огромное влияние на развитие отечественной лирики. Данные этого параграфа значительно расширяют представления о восприятии Гейне в России. Большим плюсом работы является внимательный анализ псевдопереводов и подражаний поэзии Гейне. На примере стихотворения «Стрекоза», можно увидеть, что порой переводчики произвольно меняли смысл первичного текста. Так, поэт Иван Северный предпочитает убрать гейневский образ «лживой канальи» стрекозы, а влюбленную толпу жуков превращает в романтических мотыльков. Другой поэт, подписавшийся «Былинка», опосредованно подражает знаменитому стихотворению «Ein Fichtenbaum», имея в виду его лермонтовскую обработку «На севере диком»: получается глубокое усвоение

